

МАРИЯ БОРОДИНА

ВОРОНЬЕ СЕРДЦЕ

ОТВОР ПО ПРИНУЖДЕНИЮ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Бородина
Воронье сердце. Отбор
по принуждению
Серия «Сказки почтовой
вороны», книга 2

*<https://litres.ru/73933171>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Хочу ли я замуж за принца? Это стало бы для меня сущим позором! Но моего мнения никто не спрашивал: метки отбора появляются и у оппозиционерок. Вот и принимай теперь участие в этом глупом шоу людям на потеху!

Эх, не учла Богиня, что таким негодницам, как я, поражение на подобных состязаниях заказано. Ну, оно мне и на руку. Ненавижу этого высокомерного и бахвального принца! Или...

Как бы там ни было, покажу я им воронью мать!

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	50
Глава 9	60
Глава 10	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Воронье сердце. Отбор по принуждению

Глава

Глава 1

Я подписала себе смертный приговор в ту секунду, когда отпустила тетиву.

Стрела пропорола воздух, со свистом пролетела над подлеском и вонзилась в плечо королевскому стражу. Сальная рыха жертвы тут же налилась цветом спелой вишни. Выкинув невредимую руку вперёд, он коротко скомандовал:

— Взять!

И остался горбиться и истекать кровью в цветущих кустах шиповника.

Остальные четверо стражей, блестя золотыми наплечниками с безвкусной крылатой лепниной, пошли на меня, будто разъярённые быки.

— Вот дура косяя! — выругалась я, отступая по путаному дёрну. Вскинула лук, показывая, что готова отстреливаться, натянула тетиву... Но, скорее, для вида, чтобы испуг не показать. Выстрел ничего не изменит: теперь меня повяжут в любом случае.

— Лучше сдайтесь без боя! — гаркнул один из преследователей, задыхаясь от быстрого шага. — Сопrotивляясь властям, вы усугубляете своё положение.

— А попробуй, догони! — расхохоталась я, едва не споткнувшись о брошенный тряпичный плакат. «Где моя сво-

бода выбора?» — кричали алые буквы. Эх, Эгейла, бросила реквизит и смылась, как последняя трусиха! А ведь громче всех визжала, что хочет замуж за работягу, а не за принца!

Но сегодня Эгейла оказалась умнее. Убегать от королевских стражей разрешалось по закону. Можно было кидать в них дымовые шашки и даже отстреливаться в воздух — правда, так рисковала только я, потому что никогда не мазала. А вот попадать в стражей строго воспрещалось: это сразу приравнивалось к вооружённому сопротивлению. Так что, теперь я преступница.

— Мы призываем вас остановиться, — снова прокаркал один из стражников. Четыре каменные безжалостные морды продолжали надвигаться. Четыре проклятых центнера против одной хрупкой — ладно, не очень хрупкой — девушки!

— Давайте лучше потанцуем, гранн? — вырвалось из моего рта. — Настроение у меня сегодня... шальное!

Азарт медленно сменяла паника. Что же случилось? Вроде, и в глазах не двоилось, и руки не дрожали. Моя стрела должна была пролететь точно над плечом командующего и гордо воткнуться в сосновый ствол за его спиной. Но нет же: не вовремя ринулся навстречу и перехватил её своим жиблым тельцем.

Может, специально? Кто их, этих королевских прихвостней, знает? Поди, и не на такое способны.

Не время думать об этом! Я отступила ещё на десяток метров и выпустила в воздух вторую стрелу. Взвившись над го-

ловами стражей, она послушно влетела в размашистую дубовую крону и повисла на ветках. Молодые листья, зашеле- стев, посыпались на позолоченные шлемы. Я с облегчением выдохнула: хорошо, что никому в лоб не зарядила.

— Ибреса Лира Крэтчен! — проорал кто-то со спины, да так громко, что я подпрыгнула. — Вы задержаны. Извольте сдать оружие и проследовать в изолятор.

Вдалеке зашелестела трава. Стараясь не выпускать из поля зрения четыре центнера чистой силы, я зыркнула через плечо. Ещё два стража бежали ко мне сквозь подлесок, роняя боты и брызжущую слюну. И как они меня нашли?!

Ответ висел в воздухе над головой. Отступая и целясь точно в лоб ближайшему из противников, я на секунду подняла глаза в серое небо. Эстер сбила все визиоллы, но одну, как и в прошлый раз, пропустила. Крошечный пурпурный глаз парил точнёхонько над темечком и укоризненно таранился на меня, словно желая испепелить взглядом.

— Эстер! — взвопила я, перепрыгивая через валяющийся резиновый сапог, который кто-то из наших потерял в спешке. — Говорила же тебе, внимательнее будь! Ух, морда ты воронья!

Я попятилась к ручью, стремительно перемещаясь в свободный сектор парка. Перешагнула через мутный поток, в котором кто-то потопил очередной плакат с оппозиционными лозунгами. Вода размывала кроваво-красные буквы и сама превращалась в кровь. Не мою ли?

Спасения не предвиделось, но надежда в душе теплилась. Если повезёт, и Богиня сегодня на моей стороне, доберусь до чёрного хода, пробегу задворками и выйду точно к закрытому локусу площади. Олаф обещал подхватить нас там. Изпод Купола, конечно, улизнуть не удастся, но лидеры «Воронов» рассказывали, что вполне реально укрываться в трущобах пока не истечёт срок давности проступка. Трущобы — это куда лучше, чем изолятор!

Шестеро одинаковых с багряного лица, в одинаковой броне спешили ко мне через дёрн, коряги и бурелом. И мне не нужно было объяснять, как сильно они хотят со мной встретиться.

Самое время действовать! Я вскинула лук и лёгким выстрелом сбила наглуую визиоллу. Глаз взорвался в воздухе с громким хлопком, оставив после себя мириаду пурпурных искр да нить белого дыма. И прежде, чем преследователи успели опустить головы и перешагнуть через ручей, я швырнула им под ноги дымовую шашку.

— Кашляйте, почтенные, кашляйте!

Сизый дым заволок траву и пополз вверх по стволам деревьев. А я, теряя туфли и остатки здравого смысла, ринулась к чёрному ходу. Неслась сквозь колючий подлесок, продирая цветущий кустарник и спотыкаясь о выступающие корни. Шум в кронах, летящий следом, оповещал, что Эстер меня не покинула. Хитрая обжора: просчиталась с визиоллой, и спряталась в листве, опасаясь наказания.

Я не сбавила скорость пока не уткнулась в кованую дверь чёрного хода. Калитка выглядела совершенно запущенной и заброшенной: настолько сильно она проржавела и поросла бордовым плющом. Но это и был мой главный козырь! Снаружи выход из парка прекрасно маскировали развалины старых проулков. Мало кто знал, что дверь при должном стремлении прекрасно открывается.

Оглянулась напоследок. Сквозь чашу, как змеи, пробивались ленты густого дыма. Эх, хорошую шашку я на прихвостней потратила! Век теперь такую не сыщешь! Но оно того стоило.

Навалилась плечом на дверь. Металл ответил неприятным скрипом, и платье обсыпало крошечным иссохшим плющом. Я стремительно, как тень, выскочила в проулок и нырнула в сероватый полумрак заброшенного крытого двора. Эстер, пронзительно каркая, вылетела следом и опустилась на балку.

— Благодарю тебя, Богиня Филлагория, — я поцеловала кончики пальцев и распустила их цветком в повисший над головой строительный навес.

Сзади что-то громко бухнуло о землю. Эстер каркнула и взметнулась вверх, под разрушенную кровлю.

— Попалась, беглянка! — чьи-то тяжёлые руки легли мне на плечи. — Думала, что хитрее всех? Вооружённое сопротивление ещё никому с рук не сходило!

Глава 2

С отцом попроситься не дали. Бросить пару слов лидерам и активистам — и подавно. Сразу, без суда и следствия, поволокли в изолятор — мрачное здание на отшибе, обнесённое сетью заборов и магических стен. Протолкали по коридорам, как мешок гнилой картошки, и отправили на допрос.

Когда я очутилась в кабинете дознавателя, в весёлой компании одинаковых с лица граннов из ненавистной королевской стражи, прыти и азарта во мне поубавилось. Да и настроение сразу стало не таким шальным. Бесперспективность будущего сдавливала горло и вызывала тошноту. Говаривали наши лидеры, что в таком случае главное не бояться и не хамить. С первым я кое-как справлялась. А вот со вторым могли возникнуть большие проблемы.

Дознаватель стражей королевской безопасности оказался мощным и страшным. Намного крупнее своих сотоварищей и с куда более ледяным взором. Мамонт настоящий! Один его вид мог привести в священный ужас и бродягу, и отъявленного вора, и скромную активистку оппозиции. Ну не зря же его на этот пост назначили.

— Значит, вы выражали протест против обряда стигматирования? — дознаватель обошёл меня и встал точно позади. Прямо над душой.

— Против несвоевременного стигмирования, — поправила я, громыхнув наручными кандалами. — Этот унижительный обряд ведь запускают только тогда, когда один из супругов правящей четы умирает. Но королям закон не писан: лишь бы драгоценный принц не скучал.

— Выбирайте выражения, когда говорите о королевской семье, ибреса! — мощная рука хлопнула меня по шее.

— Почему принц должен развлекаться за счёт девушек, у которых большие планы на будущее и нет никакого желания удовлетворять его королевские потребности?! Только потому, что у него корона?!

— Я рекомендовал бы вам вести себя более сдержанно! — рявкнул дознаватель, да так голосисто, что я подскочила на лавке. Его мощная туша наконец-то выплыла в поле зрения, и огромная тень накрыла меня. Я вздрогнула, поймав его сердитый взгляд, и сжалась в комочек.

— Прошу прощения, — пролепетала едва слышно. — Но я остаюсь при своём.

— У вас, ибреса, может быть, и большие планы, — проговорил дознаватель с укором. — Дочь преуспевающего торговца, которой никогда и ни в чём не отказывали, может желать только масштабных свершений.

— Свержений, — буркнула я. Хорошо, что дознаватель меня не услышал.

— Но девушки из семей бедняков, — продолжал он, — которые каждый день озабочены тем, чем бы перекусить,

считают иначе. Для них обряд стигмирования — огромный праздник; шанс, который может изменить их судьбу. Вам ведь известно, что нынешняя королева происходит из простолюдинок?

— Мы говорим не о королеве, — оборвала я. — И уж, тем более, не о её происхождении.

— Верно, — подметил дознаватель и подбоченился. — Вернёмся к вам. Как вас угораздило напасть на королевского стража?

— Напасть?! Я просто отстреливалась, — процедила я, похоронив страх за дерзкой усмешкой. — Делаю я это, насколько вы знаете, качественно. А он прямо под стрелу попёр, будто убиться вздумал!

— Не утверждаете ли вы, ибреса Крэтчен, что гранн Солье решил вас подставить? — дознаватель склонился прямо надо мной. В его ледяном взгляде не просматривалось ни капли сочувствия. Иногда мне казалось, что король оживил стадо големов и послал их охранять порядок: настолько все его стражники одинаково-ледяные и одинаково-безжалостные.

— Это нужно у него спрашивать, — я надула губы. — Говорю за себя: не нужен мне ваш гранн! Разве я похожа на самоубийцу?

— То есть, — дознаватель опёрся на стол, и мощная тень нависла надо мной. Древесина опасно застонала. — Вы говорите, что целились в королевских стражей, но при этом не

имели цели их подстрелить?

— Вы действительно не понимаете, что я говорю, или при-
творяетесь? — я начинала выходить из себя, но держалась.
— Я стреляла в воздух! Так, как разрешено законом! Но
стрела почему-то попала в этого... в гранна Солье.

— Не вы ли говорили, что никогда не промахиваетесь?

— На что это вы намекаете?

Дознаватель усмехнулся и почесал массивный подбородок. Короткие щетинки торчали из-под его кожи, делая его похожим на лесного кабана.

— Полагаю, не нужно вам объяснять, что теперь вы по закону считаетесь преступницей? Знаете, что за такое преступление при отягчающих обстоятельствах можно получить смертный приговор?

Я снова вздрогнула. Тревога подобралась ближе. Шутки шутками, а реальность куда страшнее, чем я думаю. Что же теперь делать?

— Но если вы расскажете всё честно, — продолжил дознаватель, — то есть шанс скостить ваш срок до пятнадцати, а то и десяти лет заключения.

— Пятнадцать, десять... лет?! За то, что я просто промахнулась?! — я вскочила с лавки и тряхнула массивными цепями, что сковывали мои руки. — Да вы смеётесь, что ли? Это ведь целая жизнь! С чего ли тогда разрешаете отстреливаться на митингах?!

— Использовать оружие разрешается строго при условии,

что никому из участников собрания, а тем более королевским стражам, не будет нанесён вред. И вы это прекрасно знали, когда брали с собой лук.

— Если бы я знала, я целилась бы ему в глаз!

— Значит, так, ибреса, — по леденящему тону дознавателя я поняла, что шутить он не намерен. — Если вы не хотите сотрудничать с нами сейчас, посидите-ка в камере, подумайте хорошенько. О своём решении завтра доложите. Поняли? И если...

Из коридора донёсся шум и гомон голосов, и дознаватель проглотил окончание фразы. Подобрался к двери и высунулся наружу:

— Что за беготня?

— Мобилизация, гранн, — отозвался кто-то снаружи. — Попытка прорыва Купола на западной линии!

Я жадно вслушивалась в голоса, но не смогла больше различить ни фразы. Попытка прорыва? Да неужели! Именно сейчас?..

— Вы поняли меня, ибреса Крэтчен?! — вывел меня из оцепенения грозный голос дознавателя.

— Я поняла только то, что Королевству выгодно засаживать активистов оппозиции.

— Ох, не нарывайтесь!

Дознаватель кивнул парочке стражей, что сидели у выхода. Молча, как два каменных валуна, они приблизились ко мне и подхватили под руки, отрывая от лавки.

— Эй, что это? — недоумевала я. — Меня даже домой на ночь не отпустят?

Крепкая хватка безмолвных служителей закона — или беззакония — подтверждала: не отпустят. Ни на ночь, ни на неделю, ни на час.

Глава 3

В камере царил холод и пахло подгнившим тряпьем. Вдоль каменных стен тянулись нары: восемь узких деревянных полос. Даже если уместиться на них чудом — непременно свалишься во сне. Закатный луч, прорывающийся сквозь узкое окошечко под потолком, делил темницу точно надвое.

В этом бедламе я оказалась четвёртой. И едва увидела прожжённые лица соседок, вести беседы о справедливости резко расхотелось. Здесь они точно не в первый раз очутились. И не во второй.

Дверь за спиной хлопнула, гася звуки коридора, и лязг засова снова напомнил, что это не сон. Не понарошку. Ещё вчера я была избалованной дочерью торговца с лучшими нарядами в округе, которой отчего-то не сиделось на месте. А теперь я никто.

Я откинулась на дверь и опустила веки. Три сокамерницы лениво подняли на меня выцветшие взгляды: так, словно у них вошло в привычку встречать кого-то. Одна из них — невысокая и лохматая, с кривой ухмылкой и шрамом на щеке — тут же отделилась от кучки и, переваливаясь, как утка, поковыляла ко мне. Я лишь вяло дёрнулась, когда сухие, морщинистые пальцы стиснули подбородок.

— Как звать? — меня обдал кислый запах из её рта.

— Лира, — я подняла голову, вырываясь из цепкой хватки.

Две женщины сзади переглянулись, ожидая реакции своей подруги.

— Кхм, — та, впрочем, не заставила себя долго ждать. — Ли-и-ира! Ха-ха!

Камеру наполнило глухое ехидное хихканье.

— Папочка музыкант, что ли? — донеслось противное кряканье из угла камеры. — Ещё б скрипкой назвал.

— Что? Ры-ыля?!

Меня покорило. Впервые за день мне стало по-настоящему страшно, но я проглотила смятение. Если убежать куда, бояться не имеет смысла.

— Короче, — женщина передо мной закашлялась, и я на всякий случай отвернулась, — я Фиалка. А ты будешь Вороной.

— Это почему Вороной? — вздрогнула я.

Фиалка разразилась ехидным хохотом. Следом за ней захихикали и две подруги-подпевалы. Мне уже не нужно было объяснять, кто здесь лидер. Лишь бы не затоптали! Удивительна наша жизнь: три обиженные, несчастные женщины могут оказаться куда опаснее огромной королевской армии.

— Потому что политота, — она нахально коснулась нашивки на моём рукаве. Чёрный треугольник — символ «Воронов». — Идти против Королевства почётно. Но чуть более

чем бесполезно. Проходи, Ворона, и рассказывай, чем правителей в тупик поставила.

Я сделала шаг вглубь камеры. Не хотелось бы здесь задерживаться, но вязкий мрак протянул ко мне липкие щупальца и лёг на плечи. И поглотил, как сугроб по зиме ботинок.

— Всего-то против стигмирования выступила, — буркнула я.

— Ну и? Оно надо тебе было? Или ты самая умная?

— Правители-то пока живы, — возразила я, присаживаясь на нары. — Рано ещё. Пусть дождутся сроков, как и обещали.

— Помню, я, когда молодая была, мечтала, чтобы стигма на меня легла, — протянула одна из подруг Фиалки: толстая женщина с сальными волосами под косынкой. Запястья её стягивали кандалы: видимо, чтобы не могла колдовать. — Тогда как раз невесту для короля Рихара отбирали. Вот дура была!

— А что? — подхватила третья дамочка: седовласая исухая. — Была б шас королевой, а не это вот всё!

— Да я дура, что ли?! — возмутилась толстушка.

— В общем, Ворона, зря ты это затеяла, — подытожила Фиалка. — Не по зубам тебе Королевство. Никому оно не по зубам.

— Именно поэтому завтра утром двадцать девушек Аэрии проснутся со стигмой, — выдохнула я. — Из-за того, что у повзрослевшего принца кончились игрушки, а с народом

можно делать всё, что угодно.

— Неужто сама королевой не хочешь? — взвизгнула седовласая.

— Да она дура, что ли? — возразила полная.

— На таких, как я, стигма никогда не упадёт, — процедила я. — Богиня Филлагория знает, что делает. И всяким принцам она благоволит куда больше, чем мне.

Ближе к вечеру принесли варёный картофель и чай. И то, и другое оказалось отборной гадостью. Картошка походила на голый разваренный крахмал, а чай — на воду, отжатую из половой тряпки. А после ужина гранны отвели седовласую на суд, и мы её больше не видели. Фиалка проронила, что та избила своего мужа сапогом за ночёвку у другой женщины. Правильно, в общем-то, сделала.

Всю ночь я не могла заснуть. Тонкое одеяло не спасало от пронизывающего холода: меня знобило и колотило. Очень болела шея. Я думала об отце, что останется один, об Эстер, которую теперь никто не покормит с руки, о своей горькой судьбе и о том, как одна глупая случайность может перевернуть жизнь с ног на голову. О грандиозных планах, которым не суждено сбыться, и о несчастных девушках, что получают в эту ночь стигму. Ничто и никто не спасёт их от отбора: даже если спрятаться вздумают — отыщут! Некоторые пытались бежать, сводили стигмы и даже магическую защиту ставили — не помогло... Всех отловили.

Мы могли спасти их сегодня. Даже тех, кто мечтает об от-

боре, как о чемодане золотых. Но не получилось...

Интересно, что лучше: стать женой принца, а потом всю жизнь видеть его слащавую рожу в своей постели, или сгнить в темнице за правое дело? Мысль крутилась в голове как червяк-мозгоед, но найти ответ так и не получилось.

Сон сморил меня лишь когда в оконце забрезжили первые лучи рассвета: розоватые и робкие. Видения были поверхностными и беспокойными. Я то и дело просыпалась со стоном на губах и тут же снова проваливалась в вязкую, холодную пустоту. В обрывках снов я стреляла из лука в толпу дерущихся людей, но непременно попадала по своим.

Когда утро проникло в камеру, чьи-то руки убрали чёлку со лба и накинули на меня ещё одно одеяло. Распахнула глаза, но увидела перед собой лишь дрожащую муть.

— Лежи, — грубо проговорил знакомый голос. — Сейчас лекаря позовём.

— Зачем мне лекарь? — простонала я, и размазанные образы задрожали перед глазами.

— Э-эй! — пронеслось в отдалении. Кто-то отчаянно молотил металлическим предметом по решётке. — Начальник! Зови-ка лекаря, тут новенькой хреново!

Я то открывала глаза, то проваливалась в густую темень, звенящую голосами. И даже не услышала, как в камеру вошёл лекарь: лишь разглядела его большое и открытое лицо сквозь марево болезненной мути, похожей на дым из шашки.

— Что-то болит? — он брезгливо коснулся моего лба дву-

мя пальцами.

— Ше-е-ея, — простонала я.

— А ну-ка, приподнимись!

Села с трудом. В голове звенело так, словно внутри разорвался снаряд. Я даже не ощутила, как руки лекаря собрали мои волосы и перекинули через плечо. Лишь спустя пару секунд его пальцы сдавили кожу на шее сзади, и я заорала от сумасшедшей боли. Она была везде: текла по плечам, стреляла в голову, спускалась огненным потоком к пальцам. С меня спускали шкуру живьём!

— Зовите-ка начальника, девчонки, — прозвучал сквозь пелену забытья голос лекаря. — Ваша подруга не больна. Она просто стигму получила.

Глава 4

— Н-да, — процедил дознаватель с незнанием дела. Я взвизгнула от боли, когда пальцы коснулись моей шеи, и сильнее скорчилась на лавке. Мучитель поднял лохматую голову, тряхнул шевелюрой и свысока глянул на лекаря: — Вы уверены, гранн Ильвейс?

— Абсолютно, гранн! — лекарь тут же стал робким и смешным, как плюшевый медвежонок.

— Вы ошибаетесь! — рискнула я вставить слово. — Гранн лекарь, скажите ему! Я даже на гангрену согласна, только не на стигму!

— Но ведь, — возразил дознаватель, полностью меня игнорируя, — во время прошлого обряда, если верить исторической справке, стигмы никогда не появлялись на шее. На плечах, между лопатками и даже на груди, но не на шее.

— Никто и никогда не знает, куда поцелует Филлагория своих избранниц.

Голос лекаря стал ещё тише. Он даже начал заикаться. И это всё выглядело бы забавно, если бы не бессмыслица, со мной происходящая. Если б не этот маленький кабинет, пропахший страхом и мужским потом, не засохшие брызги крови на обоях и не решётка на окне.

— Поцелует? — снова не выдержала я. — Да она в меня

подлю плюнула! Я больше не буду воздавать ей хвалу! И цветы жечь в Праздник Явления не буду — обойдётся без моих почестей! А-а-ай!

Подлый дознаватель снова коснулся моей шеи сзади. Будто невзначай, но коснулся. Обрёл-таки средство контроля надо мной, мамонт позорный!

— Вы ничего здесь не решаете, ибреса Крэтчен, — произнёс он холодно, и я нехотя кивнула. Оттого, что пришлось подчиниться, стало гадко, но мера была необходима. Лишь бы в раж не вошёл и не стал устраивать показательные пытки!

— Это определённо стигма, — проговорил лекарь. — И вы обязаны сообщить об этой девушке во дворец.

Я съёжилась сильнее: даже глаза закрыла. Вчера Богиня Филлагория изменила мою судьбу к худшему. Сегодня же открыла дорожку ещё темнее. И вот, передо мной два пути: каждый в своё мрачное никуда. Выбирай, как говорится, что потерять: дом или голову.

Но самое обидное, что на этот раз не я решала, куда мне идти.

— Полагаете, королевской семье нужна на отборе преступница? — снова зазвучал голос дознавателя. — Та, что осмелилась напасть на стражника королевской армии?

Горячая рука коснулась моего плеча, и я поняла, что если начну вкаты, мне будет больно. Очень больно. Но моё честное имя было мне дороже, и я рискнула возразить:

— Вы прекрасно знаете, что я ни на кого не нападала! Разве я похожа на юродивую? Попёрла бы я в здравом уме в одиночку против шестерых балбе... амбалов?! А-ай! Да прекратите уже мне на шею давить! Попытки законом запрещены! Вот я тоже сейчас скажу, что вы на меня напали!

— Если вы не сообщите о ней, — вставил лекарь, не обращая на меня внимания, — они сами её разыщут.

— Я подумаю над вашими словами, гранн Ильвейс, — отозвался дозаватель. — Коварные низшие! И подкинули же задачку!

На этот раз в камеру меня вели осторожно и бережно. Так, словно я — хрустальный сосуд, и стражи боялись меня повредить. Переселили в другое помещение — небольшое, не вонючее и пустующее — и на нары сесть помогли... А обед, который мне принесли по первому требованию, даже укомплектовали яблоком и большим, довольно свежим бутербродом с говядиной. Правда, есть не моглоь совершенно. Шея болела, как ошпаренная, а вместе с ней и горло.

После полудня вернулся жар. Навалился на меня, как медведь, заставляя ёжиться и стучать зубами. К вечеру я не знала, куда деть себя от озноба, скуки и дурного предчувствия неизбежного. Завернувшись в одеяло, я корчилась у стены, как нищенка. Войдя в роль, даже петь начала разную ерунду кабацкую. И именно в тот момент, когда я затягивала очередной нецензурный припев, мою личную тишину расколо-тили чьи-то шаги и басовитый скрип засова.

— Ибреса Лира Крэтчен? — в камеру сунулось грозное лицо надсмотрщика, покрытое бусинами пота. — С вещами на выход. Быстро.

— Вещи? — проямлила я, стуча зубами. — Какие вещи? Но яблоко всё же взяла. И бутерброд. На всякий случай.

На этот раз дознаватель был не один. Рядом с ним сидел мой отец: осунувшийся и раскрасневшийся. А в дверях стояли два вооружённых мужчины в дворцовой форме королевских приближённых. Увидев их, я поняла: сообщили-таки. Или уже нашли.

— У меня что, — высказалась я, увидев весь этот цирк, — специальный конвой? Как у особо опасных преступников? Да я просто суперзвезда!

— Лира, — мягко отозвался отец. — Не дерзи. Ты знаешь, в каком мы сейчас положении.

— Так к чему такое театрализованное представление? — я окинула взглядом кабинет и опустилась на лавку, позволив стражам отобрать бутерброд и сомкнуть кандалы на запястьях.

— Я много думал, ибреса Крэтчен, — дознаватель многозначительно глянул на отца. Тот тут же покраснел, сдвинул круглые очки на лоб и принялся растирать лицо шёлковым платком. — Думал над вашим рассказом. Допросил гранна Солье, и тот любезно заявил, что оступился и сам нечаянно угодил под вашу стрелу. Поэтому полагаю, что суд при определённых условиях может вынести вам оправдательный

приговор.

— Папа! — я посмотрела на отца. — Ты в этом замешан?!

— Слушай гранна, дочь! — шикнул отец, подняв палец. Его лицо горело, как солнце посередине лета. — И не обвиняй сильных мира сего в том, чего нет и не было! Особенно чистых на руку!

Да уж. Чист он. Одного взгляда на морду разожравшуюся понятно, что любит золотники, как самого себя.

— От меня потребуется... — выдохнула я.

— Да, — дознаватель кивнул.

Неожиданно я всё поняла. Дознаватель хочет меня в постель! Этот страшный мамонт! Потому отец и раздосадован так. Ну уж нет!

— И не думайте, — ответила с возмущением. — Лучше уж тут посижу, подумаю над вашим поведением. А вам и жены хватит.

— Лира! — отец покраснел ещё пуще и даже кулаком по столу стукнул.

— Вы действительно испорчены отсутствием женской руки, ибреса Крэтчен. От вас потребуется лишь присягнуть на верность Королевству, — оборвал дознаватель. — И свято блюсти свою клятву до конца дней.

Мне словно бревном поддых врезали. Я даже на несколько секунд забыла, как дышать. Это круче, чем постель... В первом случае продаёшь за свободу тело, во втором — душу.

— Вы сейчас издеваетесь надо мной? — проямлила дро-

жащим голосом и потянулась закованными ручонками к бутерброду. Когда нервничаешь, желудок всегда просит покушать.

— Вам так трудно переосмыслить свои ценности? — упёрся дознаватель и отодвинул от меня бутерброд. Золотые крошки кукурузного хлеба рассыпались по столу, заваленному бумагами, и есть как-то резко расхотелось.

— Ли-и-ира, — раскатал отец. По его умоляющему взору и багряному лицу я понимала, как он вымотан. — Ну, пожалуйста! Ведь не будет больше шанса!

— Да что я, пап, предательница?!

— Спокойно, ибрес, — глухим голосом отозвался незнакомец в дворцовой форме. — Ваша дочь получила стигму и едет на королевский отбор, независимо от исхода предстоящего суда. Заседание в любом случае отложится до подведения итогов отбора. За это время ваша дочь может и передумать.

Я аж зарычала. Ах, вот ты какая хитрая злодейка, Богиня Филлагория! И выбора между двумя наихудшими дорогами не оставила! Сначала тряси красотой перед принцем и компанией, потом — садись за решётку! Даже маячащий где-то в туманной перспективе оправдательный приговор не успокаивал: присягу верности я ведь всё равно не принесу.

— Я предпочту подумать о вашем предложении здесь, гранн, — произнесла я чётко и вскинула лицо на дознавателя. — У вас очень удобные нары.

— Вы не поняли, — оборвал он сердито. — Никаких альтернатив. Отбор — единственный вариант для вас, ибреса.

— Вы едете во дворец прямо сейчас, под конвоем, — проговорил незнакомец за его спиной и поправил блестящий обод на голове. — Мы лишь любезно позволили вашему отцу проститься с вами. Иные варианты на настоящий момент не обсуждаются.

Я выдохнула и посмотрела в пол, чтобы не видеть улыбки отца. Вот и закончилась твоя счастливая жизнь, Лира Крэтчен.

— Ну, хоть бутерброд отдайте, — выдавила я напоследок.

Глава 5

Бутерброд был добровольно пожертвован Эстер, как только конвой вывел меня за последнюю магическую стену. Бедная птичка сразу спустилась ко мне с ближайшей кроны — похудевшая и осунувшаяся, даже перья повылазали — и гордо уселась на плечо. Волновалась за меня, бедолага. А уж я как за неё тревожилась — словами не передать!

— Я что, поеду во дворец в таком виде? — спросила я у конвоиров и окинула взглядом перепачканное драное платье, которому ещё пару дней назад все подружки завидовали. — Грязная, невытая и голодная?

Конвоиров мои проблемы не интересовали. Настолько, что они даже не потрудились ответить. Лишь потащили меня к крытой повозке на магическом ходу, усадили на заднее сидение, запустили под потолок визиоллу¹ и закрыли дверь на ключ. А сами уселись впереди, отгородившись плотной стеной. Эстер, сытая и довольная, посмотрев на всё это безобразие, решила добираться своим ходом.

¹ — Визиолла — магический летающий глаз, фиксирующий изображение окружающего мира и передающий его на экран наблюдения. Обычно используется стражами или служителями порядка, но иногда применяется и в развлекательных целях (например, демонстрация последних новостей для зажиточной категории населения).

Аэрия — вернее, тот её участок, что укрыт Куполом — похожа на большой кусок лишайника. Местами — кустистый, местами — твёрдый и плоский, но непременно зелёный. К вечеру в глазах стало рябить от бесконечных полей и иссохших речных долин, расстилающихся до самого горизонта. Даже свежий воздух, пахнувший скошенной травой, не приносил наслаждения.

Очень хотелось есть и пить, и я успела пожалеть, что не оставила себе хотя бы маленький кусочек хлеба. В ход пошло яблоко, но оно лишь раззадорило аппетит. На жалостливые стоны о тарелке горячего супа конвоиры не реагировали. Редкие минуты, когда повозка проезжала мимо придорожных таверн, стали для меня настоящей пыткой.

Где-то в середине пути, когда я уже порядком умоталась, но темнота ещё не легла на дорогу, Эстер соизволила принести надклёванную вишенку и записку, помеченную чёрным треугольником. Я забрала у неё добычу, благодаря безжалостную Филлагорию за то, что мне хотя бы окно наполовину открытым оставили. И за то, что конвоирам не вздумалось засесть со мной в неудобный отсек для заключённых.

«Тебе велели держаться как можно дольше, — коротко говорилось в записке. — Свой человек во дворце — это очень хорошо. Олаф».

Я разорвала записку на мелкие клочки и выбросила в окно. В груди едкой волной поднялась обида. Сбежали, значит, с митинга, не подождав меня, реквизиты побросали, как са-

мые умные, а меня кинули на произвол судьбы?! А теперь — сливай им информацию?! Мне не нужно было объяснять, кто останется виноват, если утечка станет очевидной. Тоже мне, друзья. Лучше бы выбраться помогли из этой передраги.

Когда на дороге легла тьма, и повозка выпустила маглюмы²¹, мне уже ничего не хотелось. Я сидела, откинувшись на деревянную спинку лавки, смотрела на мутный свет, мерцающий за окном, и считала кочки. Одна... Две... Двенадцать...

Повозка резко затормозила во мгле, оборвав сладкую дрёму, и я, сорвавшись с лавки, полетела на пол. Ничего не соображая, выругалась и потёрла ушибленное колено. Сквозь приоткрытое окно донеслись взволнованные голоса, а потом дверь распахнулась, и безжалостные морды конвоиров уставились на меня:

— Выходите, ибреса Крэтчен.

— Что? — я зевнула и потянулась. Шея отозвалась неприятным саднением. — Мы уже приехали?

Молчание, ставшее ответом, подтвердило самые страшные догадки. Всё происходит на самом деле, и я — на территории врага.

— Долго вас ждать, ибреса? Вы пока ещё не королева!

¹ — Маглюмы — магические осветительные приспособления, перемещающиеся по воздуху и напоминающие больших светляков. Используются как водителями повозок, так и обычными людьми при перемещении в темноте. В неактивном состоянии маглюм представляет собой маленький шарик. Для активации нужно раздавить его пальцами.

— И не собираюсь ею быть, — проворчала я, лениво выползая на влажную от вечерней росы траву.

Маглюмы осветили небольшое поле, упирающееся в прямоугольную площадь с фонтаном по центру. В темноте струящаяся вода отливала голубизной. Вдалеке, за площадью и стеной аккуратно подстриженных деревьев, светился дворец. Прозрачный, невесомый, словно сотканный из нитей паутины, с огромными окнами и белоснежными скатами крыш. У меня даже челюсть отвисла: сколько золотников простого народа вбухано! И спят же спокойно, и совесть их по ночам не грызёт...

— Нравится? — ко мне подлетела женщина в синем бархатном платье и смешном чепчике, обрамляющем круглое лицо. Все её части тела словно были выписаны по циркулю: пышные плечи, массивные бёдра, огромные груди и даже глаза. — Ой, какая хорошенькая! Пойдём, мы тебя отмоем, чистую одежду дадим!

Обижать добрую даму почему-то не хотелось, хамить ей — тоже. Поэтому я томно вздохнула и выдавила:

— Сначала еда.

— Ой, да несговорчивая какая попалась! — женщина совсем не реагировала на мои капризы. Должно быть, привычная. — Как тебя зовут?

— Лира Крэтчен, — представил меня конвоир. — Прямиком из изолятора Тан-Комино.

И откинул мои волосы с шеи, заставив взвыть.

Пухлая дамочка и пара подоспевших к ней молодых девушек внимательно осмотрели мою стигму. От каждого нечаянного прикосновения хотелось кричать, но я кусала губы, заставляя себя держаться. Дальше, наверняка, будет ещё страшнее, и эта боль покажется сущей ерундой.

Конвоир грубовато подтолкнул меня к женщинам:

— Чтобы без фокусов, Крэтчен.

— Угу, — только и буркнула я. — Полагаю, что поесть мне всё-таки дадут.

— Ты мне нравишься, Лира, — сказала женщина-циркуль, подхватывая меня под руку и выводя на площадь. — Хорошо: есть так есть, сейчас быстро всё устроим. Меня зовут Андара, и я отвечаю за вас своей репутацией.

— Вы мне тоже нравитесь, — буркнула я таким голосом, словно на Аэрию обрушился мор.

— Ты ведь не хотела к нам попасть? — Андара вскинула на меня круглые глаза.

— Конечно, нет, — ответила я честно. — А как вы догадались?

— Стигма на шее, — отозвалась Андара. — И болит. Богиня Филлагория всегда причиняет боль тем, кто противится её истинным дорогам.

Захотелось возмутиться, но сил совершенно не осталось. Я едва плелась следом за дамами, подметая площадь разорванным подолом.

Мы прошли мимо фонтана, и капли прохладной воды

ошпарили кожу. Впервые за этот день я почувствовала себя живой. Настоящей. Только вот будет ли здесь от этого прок? Ведь «Вороны» велели держаться как можно дольше, и я лучше останусь на их стороне.

Андара провела меня чёрным ходом. Проплутав сетью чистых, но мрачных коридоров, мы попали на королевскую кухню. Размером кухонька была, наверное, больше отцовского дома. Ужин во дворце уже закончился: печь давно погасили, и теперь на резных тумбах высилась гора грязных блюд. Но воздух всё ещё мучительно пах специями, жареным мясом и вином.

Несколько женщин в одинаковых фартуках и чепцах стояли у мойки и передавали друг другу тарелки. Одна счищала с них жир, другая — полоскала в большом тазу, третья вытирала полотенцем и складывала на длинную решётку.

Навстречу нам, закрыв за собою ход в погреб, вышла пожилая седовласая дама со смешными кудряшками, выбивающимися из-под шапочки.

— Фелисия, — проговорила Андара. — Это новенькая. Голодна очень, бедняжка.

Фелисия лишь мягко улыбнулась в ответ и достала комплект чистых столовых приборов.

Такого чудесного ужина у меня не было никогда! Простой отварной картофель с тушёными овощами, и кусочки запечённого мяса с золотистой корочкой — а как рада была душа! Я съела всё без остатка, и даже добавки попросила.

Потом меня отвели в большую и светлую ванную, отмыли от грязи и выдали чистую одежду. Надев простое и скромное белое платье с золотистой окантовкой по краю рукавов и широким поясом, я снова почувствовала тоску. Этот фарс съедал мою свободу и ту жизнь, к которой я привыкла.

Андара вывела меня — чистую, сытую и одетую — к чёрной лестнице. Чёрная она и есть чёрная: никаких окон на площадках, никаких резных перил и кованых решёток. Лишь практичные каменные ступеньки с узкими пролётами и серые стены вокруг.

— Поднимешься до третьего этажа, — проговорила она. — Упрёшься в резные двери и пройдёшь в коридор. Там — спальни для участниц отбора. Твоя комната номер три. Бельё и сорочку найдёшь в шкафу.

— Вы что, оставляете меня одну? — удивилась я. — А как же ваша репутация?

— Сегодня ночью я дежурю, — Андара повела круглым плечом. — С минуты на минуту привезут ещё одну претендентку. Я должна встретить её без опозданий.

— А если я вдруг... украду что-то? Я же преступница, из изолятора к вам приехала!

Андара лишь улыбнулась и выставила палец в потолок. Над моей головой парила прозрачная визиолла. Вот и выполняй распоряжения «Воронов». Даже тут — под конвоем мерзкого белого глаза!

— Что, она меня и в уборную будет сопровождать? —

фыркнула я.

— В уборной и ванной, а также во время сна, вы вольны быть без внешнего наблюдения, — отозвалась Андара.

— И на том спасибо, — буркнула я.

Лестница оказалась крутой. Настолько, что к третьему этажу у меня уже язык на плечо свесился. Не найти резные двери было сложно: огромная деревянная арка занимала всю площадку третьего этажа.

В коридоре было светло и свежо. По правую сторону висели массивные двери с номерами, по левую сияли панорамные окна. Вид на дворцовую площадь оказался настолько прекрасным, что я ахнула, припав к стеклу. Шапки мощных деревьев, цветущий кустарник плотной стеной, магномы, путающиеся в ветвях, и цветущие клумбы разной формы и размеров. И посреди всего этого великолепия — голубой фонтан, мерцающий в лунном свете. Вода в каменной чаше будто кипела, перекатываясь от бортика к бортику.

Шлёпнула себя по лбу. Я не должна любоваться этим! Золотники, на которые выстроена вся эта красота, по праву принадлежат народу! Работягам, нищим, ремесленникам, земледельцам! А все они осели в карманах короля...

Злость рванула горло, и стигма на шее заболела ещё сильнее. И ужин, если по-хорошему, стоило бы выплюнуть; и платье казённое снять. Прокашлявшись, я отлипла от окна, но, разворачиваясь, оступилась и сразу влетела в чью-то мощную и широкую грудь.

— Заблудилась? — вывел меня из оцепенения приятный мужской голос.

Глава 6

— Тебе помочь? — переспросил незнакомец, и его голос заиграл нотками иронии.

Смутившись, я сделала шаг назад и упёрлась спиной в подсвеченное стекло. Теперь я могла рассмотреть мужчину. Удобный костюм из благородной ткани с гербом Королевства на груди облегал играющие мускулы. Алый наххар¹ укрывал половину лица и плечи, а из узкой щели между полосками ткани смешливо глядели голубые глаза. Судя по экипировке и массивному поясу с крючками для намино², передо мной стоял королевский оружейник. Или страж на особом положении. Только что ему понадобилось здесь?

— Подглядываете за девушками? — догадалась я и с укором посмотрела на незнакомца. — Поди, ещё и визиоллы им в комнаты запускаете. Ой, нехорошо!

¹ — Наххар — огнеупорный платок из прочной зачарованной ткани, укрывающий волосы, нижнюю часть лица и шею. Предназначается для работы с некоторыми видами оружия, магией огня, а также иногда используется кузнецами при ковке металлов.

² — Намино — вид оружия, представляющий собой длинную металлическую цепь с подвешенными с обоих концов полыми металлическими шарами. Шары наполняются горючим волокном, которое перед использованием оружия поджигается. Может удерживаться в руке, а также метаться в толпу. Намино обладает низкой избирательностью поражения, но поражает сразу несколько целей и причиняет большой урон.

— Самая непослушная даже за тобой увязалась, — незнакомец ткнул пальцем в потолок, где озадаченно парил, раскидывая за собой искры, белый глаз, а потом звонко рассмеялся. — Плохого ты мнения обо мне.

— Так мне не с чего пока вам доверять!

— Я всего лишь траектории для намино просчитываю, — мужчина развёл руками, — чтобы никого не задело ненароком. С этой террасы открывается самый лучший вид на дворцовую площадь.

— Вы о простолюдинах, смотрю, тоже не лучшего мнения, раз заранее готовитесь отражать их атаки.

— Всего лишь показательные выступления, — незнакомец приснул. Мягкий свет очертил его профиль: покаты́й лоб, благородный прямой нос, густые светлые ресницы. — Ну, так чем я могу тебе помочь?

— Вы меня уже не спасёте, — буркнула я, уставившись в окно. Цветные маглумы плавали между деревьями, как рыбы в аквариуме. — Повозка уехала, вороны улетели, ботинки жмут, удача где-то пьёт. Стигму сведёте? Обратнo к папке отвезёте? Или принца из строя выведете своими намино?

— Принца? — переспросил мужчина с удивлением, а потом снова расхохотался: звонче и пуще прежнего. И поправил наххар, задрапировав его у подбородка. — Он настолько тебе не по душе?

— Думаю, — смягчилась я, — что принц очень впечатлит других девушек. А мне избалованные не нравятся. Да и ему,

наверняка, будет лучше со скромницей, что не станет противоречить его мудрейшеству.

Последнее слово я выцедила с такой издёвкой, что даже визиолла над моей головой на мгновение окаменела и зависла в воздухе.

— Избалованный? — незнакомец усмехнулся, и мне почудилось, что я вижу его едкую ухмылку сквозь плотный наххар. — Со скромницей? Вот как?! А ты интересная... Как звать тебя?

— А тебя? — ответила я вопросом на вопрос, моментально забыв о правилах приличия.

— Рэм, — представился мужчина и, стянув огнеупорную перчатку, протянул мне руку.

— Лира, — я робко коснулась его пальцев. — Ты из королевской армии, Рэм? Оруженосец? Защитник королевского двора и чести?

— Ну, можно и так сказать, — фыркнул Рэм, и его плечи задрожали. Почудилось, что он сдерживает смех.

— Чем я тебя так насмешила, Рэм? — возмутилась я.

— Тем, что не смотришь дальше своего носа, — ответил Рэм, не мешкая. — Видишь, но не смотришь. Или не желаешь смотреть. Как ёж, что ни разу не вылезал из своей норы, но говорит всем, что снаружи ничего нет.

— Ежи не умеют разговаривать!

— Ты просто их не понимаешь.

— Ограниченной меня обозвал?!

— Принципиальной, — спокойно возразил Рэм. — Ограниченный смотрит, но не видит. Принципиальный — наоборот.

Вдалеке хлопнула дверь, и лёгкий сквознячок пронёсся по полу. Из-за поворота выбежала девушка в таком же платье, как у меня. Бывают персоны, одного взгляда на которых достаточно, чтобы почувствовать себя ущербной. Дамочка явно вышла из этой привилегированной касты: точёная фигурка, пышная грудь, тонкие черты лица, будто выписанные искусным художником. И волосы — как волны полноводной реки. Если существуют, конечно, реки цвета платины. Я проглотила желчь: и что я тут делаю, когда здесь полно живых фарфоровых кукол?

Краля пробежала мимо, прикрывая ладошками покрасневшее лицо и меча в стены злобные взгляды. И словно специально задела меня острым плечом. Да так, что меня едва не выкинуло волной её злости в окно.

— О, да! Толкни меня снова, детка, — промолвила я ей вслед.

— Шанти, — прокомментировал Рэм. — Само спокойствие.

Моментально потеряв ко мне интерес, он ринулся следом за красавицей:

— Ну, до встречи. Ли-на...

Внутри всё перевернулось, да так мощно, что меня зашатало. Интересно, с чего бы? Знала ведь, что не располагаю

такой красотой, которая позволила бы с первого раза запомнить моё имя. И благодаря которой мне сходило бы всё с рук.

— Весёлой ночи, Рэкс! — прокричала я вслед, но Рэм даже не обернулся.

Я уставилась на резную дверь, за которой только что исчезли Шанти и Рэм. Сглотнула едкую горечь и сделала несколько глубоких вдохов. Дзена достичь не получилось: проклятое сердце колотилось о рёбра, как бешеная канарейка.

Отчего же меня так сильно зацепила эта ерунда? Не соревноваться же я сюда приехала. И уж точно не побеждать... А королевские оружейники интересуют меня в самую последнюю очередь!

За дверью с большой резной тройкой меня ждала холодная неживая темнота. Едва замок защёлкнулся, под потолком засияла целая полоса белых маглимов, обливая комнату холодным светом. Убранство спальни было роскошным и скромным одновременно. Две кровати из лучшего дерева с пышными перинами и белоснежным бельём, пара тумбочек на резных ножках, два кресла, трюмо с пуфом без лишних изысков и шкаф-исполин, упирающийся в высокий потолок. Прямо напротив двери стену прорезало арочное окно. За стеклом сонно качался королевский сад.

Я привалилась к подоконнику и уставилась в звёздное небо. Снаружи на карниз уселась Эстер: сытая и счастливая. Подобрала пёрышки, нахохлилась и поджала лапы. А моя

спина заныла, припоминая нары в камере изолятора и не самое весёлое вчера. Пожалуй, хватит приключений! Пора спать!

Белая визиолла всё ещё парила под потолком, нахально тарашась на меня. И кто обещал, что в своих комнатах мы будем вольны творить всё, что душе угодно?!

— А ну, окуклись! — приказала я, выставив вверх палец.

К моему удивлению, визиолла послушно отлетела в угол и, закрывшись толстой капсулой, приклеилась к потолку.

Кровать оказалась удобной и мягкой. Открахмаленное бельё хранило тонкий аромат лаванды. Сон быстро поймал меня и потащил за собой в плен глухих бесконечных коридоров. Мне виделось, как Рэм стягивает с лица наххар, а под ним оказывается голый скелет... И как я убегаю от него по дворцовым террасам, роняя туфли.

Сквозь сон я слышала хлопок двери, тихую возню и обрывки ночной молитвы Филлагории, но проснуться и разлепить глаза у меня не хватило сил.

Глава 7

Я шагала по свежей траве босиком, и чистая утренняя роса остывала на коже. На километры вокруг расстился изумрудный Аэрийский луг с мелкими звёздами одуванчиков, а вдалеке, там, где зелень целовала небеса, разгорался розовый рассвет. Надо мной кружила Эстер: сытая и радостная. Я бежала вдаль, свободная и счастливая, и ловила лицом свежий ветер. Не было больше ни сырой темени изолятора, ни мрачных конвойных повозок, ни ненавистных воздушных дворцов. Во всей Аэрии существовали лишь мы и наша свобода.

Хр-р-р!

Звонящую, невесомую тишину прорвал резкий звук. Такой неожиданный, что в сердце закрался страх. Стиснул грудь и выпустил щупальца на кожу, рождая мурашки. Откуда он взялся, интересно? В моём чудесном мире есть только бесконечный луг, рассвет, да мы с Эстер! Здесь даже гроз не бывает!

Хр-р-р!

Мощный раскат пронёсся над землёй, затормозил подле меня и обволок плотным коконом, сотрясая каждую косточку. Хр-р-р! Прямо по нервам, будто гвоздем по стеклу!

Я обернулась. За моей спиной — там, где только что бу-

шевали свежие травы — вырос лес. Могучие дубы под самые облака, сосны в десятки метров, грустные осины с облупившейся корой. Только вместо веток из стволов торчали стрелы разной длины и размеров.

Звук плыл из чащи: угрожающий и отвратительный. Кажалось, что от него даже кожа вспучивается и лопается.

— Хр-р-р! — мощно вырвалось из подлеска. Листья, гонимые неистойвой волной, полетели в лицо, и меня едва не унесло в рассвет.

Пересилив страх и недоумение, я потащилась в лес. Эстер летела за мной, едва поспевая. Я шла вглубь чащи, раздирая подлесок и юбку. Кто б ещё объяснил, зачем мне это вообще было нужно?!

— Хр-р-р! — раздалось совсем рядом, и в лицо полетели опилки, пронзительно пахнущие свежим деревом. Между стволами мелькнул чёрно-красный силуэт.

Я раздвинула колючие ветки. Взору предстала небольшая лысая поляна, окружённая соснами. Стволы деревьев были подточены, будто карандаши. К последнему невредимому склонился мужчина в алом наххаре:

— Хр-р-р-р! — он открыл рот, и его челюсти тут же выросли до размера акульей пасти и выставили острые зубы. Они начали вращаться, будто магические лезвия, и сосновая кора застонала под их натиском. Ветер подхватил опилки и кинул мне в лицо. — Хр-р-р-р-р!!!

Оторвавшись от дерева, мужчина повернулся ко мне. Два

смешливых голубых глаза смотрели сквозь щель в зачарованной ткани.

— Рэм?! — вскрикнула я.

Мужчина разогнул мощное тело и медленно сделал пару шагов ко мне. Я кожей почувствовала его кровожадную улыбку, что распустилась под тканью наххара. Что же он со мной сделать собрался?!

Ноги вросли в землю. Я не могла бежать: лишь зачарованно смотрела, как Рэм улыбается одними глазами и по шагу приближается.

— Хр-р-р-р! — мощный раскат выбил меня в сонную темноту, и я открыла глаза.

Уставилась в белый высокий потолок с безвкусной лепниной. Первые мгновения не понимала, где я и как меня сюда занесло. Наверное, и не вспомнила бы, если бы шея не отозвалась отвратительной болью. Застонав, я потёрла плечо и села на постели. Значит, мне ничего не померещилось, и всё осталось на своих местах. Дворец, слащавый принц, фарфоровые куклы и я, нахально оплёванная Богиней Филлагорией. А ведь так надеялась, что проснусь дома — ну, или в крайнем случае на нарах — и жизнь понесётся по привычному кругу.

— Хр-р-р-р-р! — раздалось с соседней кровати.

Я вгляделась в полумрак, едва озарённый сиянием маглюманочника. На втором ложе, спрятавшись под одеялом и выставив из-под него лишь блеклые волосы и босые ноги,

спала девушка. Судя по тому, как мало места она занимала, этот ужасающий звук просто не мог помещаться в ней!

— Хр-р-р-р! — снова выкатилось из-под одеяла, и я поняла, что всё в этой жизни возможно.

— Эй! — я осторожно подошла к кровати и потрясла девушку. — Ты храпишь!

— Хр-р! — ответила незнакомка и ещё сильнее закопалась в бельё.

— Повернись на другой бок! — возмутилась я. — Я тоже хочу спать, а мне тут из-за тебя всякий бред снится.

— Хр-р-р-р! — босая нога дёрнулась, и девушка свернулась калачиком. На пятке алым огнём горела стигма. — Хр-р-р-р!

Злость взяла меня за грудки и почти подбросила над кроватью. Приятное знакомство, ничего не скажешь! Тут ценные полезные советы направо-налево раздаёшь, а ей всё по боку — храпит, как конь, да ногами дёргает. Нет уж, я так это не оставлю!

Склонившись над незнакомкой, я пощекотала её пятку. Ту, что со стигмой, чтоб неповадно было! Щекотала долго, качественно и самозабвенно: аж пальцы устали.

— Хр-р-р! — возвестила девушка, даже не дёрнувшись.

— Перевернись! — проорала я над одеяльным свёртком: примерно там, где должно быть её ухо. — Я спать хочу!

— Что? — раздался тихий хриплый голосок, и в этот миг я готова была воздать Филлагории жертву. — Спа-ать? Я тоже

хочу...

— Ты храпишь! — возмутилась я.

— Хр-р-р-р! — был мне ответ.

В отчаянии я запустила в тельце подушкой. И даже попала! Из-под одеяла деловито высунулась рука, обхватила её и прижала к себе, как плюшевого медведя, после чего раскаты храпа стали ещё громче и протяжнее.

Мои попытки наладить с соседкой контакт успехом не увенчались. Да и подушку она мне отдавать не собиралась. Всю ночь я провалялась на голом матрасе, таращась в потолок, слушая раскатистый, мелодичный храп девушки и лицезрея её голые пятки.

Когда в окно заглянул рассвет, раскрашивая белые стены розоватыми разводами, девушка перестала храпеть. Я задремала, подобрав под голову сложенное в несколько погибелей одеяло. Сны мои были пусты: лишь сине-чёрная пустота, наполненная смутными образами из прошлого. Никаких королевских оружейников. Никаких акульих зубов...

— Ибресы, подъём! — проорал кто-то сквозь истому сна, но я даже и не подумала разлепить глаза. — Приводите себя в порядок! Через полчаса вас ждут к завтраку!

Мне было всё равно, кто меня ждёт и где. И даже мысль о том, каким вкусным может быть завтрак в королевском дворце, не придала мне бодрости. Всё-таки, наедаться на ночь вредно: в животе всё ещё царствовала неприятная тяжесть. А не спать по ночам ещё вреднее!

Образы расцвели перед глазами новой чередой: густой и красочной. Тан-Комино. Отец. Олаф и его улыбка, когда мы гуляли в городском парке после последнего заседания... Улыбка, что значила куда больше, чем «ты мне нравишься, Лира Крэтчен».

— Да что же это такое?! — нахально разбил череду воспоминаний громкий женский визг. — Все уже давно готовы, а эта ещё спит?!

Глава 8

Зевнув, я протёрла глаза. Образы моих снов послушно растаяли в золотистом мареве утра, лишь запах одеколона Олафа — свежий, с лёгкими нотками чабреца и лаванды — всё ещё дрожал в памяти.

— А ну, поднимайся, красавица! Солнце давно взошло. Ты задерживаешь всех!

Надо мной склонилась немолодая женщина в платье жёлтого бархата, худая ровно настолько же, насколько была полна Андара. Глаза незнакомки походили на вспученные бесцветные визиоллы. Седые волосы собирались в высокую причёску, похожую на праздничный торт, а ключицы торчали сквозь пергаментную кожу так, что казалось вот-вот её прорвут.

— Ты не на отдыхе, девочка! — снова возмутилась дама и деловито упёрла руки в бока. — А ну, быстро в душ и спускайся! Тебя одну ждут!

— А если не спущусь? — пробормотала я сонно и назло перевернулась на другой бок. — Дался мне ваш завтрак! Отравите ещё.

— Что за девушки пошли?! Счастье им в руки падает, а они его не берут! Вот в наше-то время все ждали стигму с трепетом! Поднимайся, не то я тебя пинком в столовую от-

правлю! Лет мне уже много, но магии у меня пока хватит, поверь!

— Да заберите эту стигму уже, — я нехотя свесила с кровати босые ноги и потянулась. — Мне болячка коварных низших не нужна.

— Могла бы — отобрала бы, — строго произнесла женщина. — Неблагодарным и невоспитанным во дворце не место. А на троне Аэрии — и подавно!

— Знаете, я очень этому рада, — высказалась я.

Костеря систему на чём свет стоит — естественно, про себя, ведь седовласая не сводила с меня глаз — я накинула на плечи чопорный пеньюар и всунула ноги в королевские кашемировые тапки. Кровать храпливой соседки уже была аккуратно прибрана, а её самой и след простыл! Заочно возведя несчастную в ранг потенциальных врагов, я пошлёпала следом за дамой по коридорам и галереям дворца.

Постояв под струями воды в долгожданном тихом одиночестве, обтеревшись мягким полотенцем и перетерпев иссушающую пытку горячим воздухом, я, наконец-то, получила на руки вчерашнее скучное платье. Одна мысль о том, что я — возможно, единственная среди претенденток — оказалась во дворце без личных вещей, вызывала уныние и панику. Впрочем, зеркало в предбаннике оповестило, что даже в привычных нарядах я выглядела бы ужасно. Под глазами залегли глубокие чёрные тени, некогда свежие и румяные щёки запали, выделив скулы, а в уголках губ появились заеды.

Оно и лучше: такую на отборе долго держать не станут! Спасти меня теперь мог, разве что, родной дом.

Но, как бы я ни убеждала себя в обратном, предпочту находиться здесь, нежели на нарах в вонючей камере. До поры до времени. В камере, конечно, никто не храпел, но ведь вчерашний ужин оказался куда аппетитнее разваренной безвкусной картошки!

Седая жердь в жёлтом платье, которую, как оказалось, зовут Хельга, вывела меня в светлый зал с колоннами, увитыми розовым плющом и неведомым выюном с гигантскими фиолетовыми цветами. Воздух здесь звенел от солнечных бликов и голосов. Две стены помещения, исполненные из прозрачного стекла, открывали чудесный вид на дворцовый сад и далёкие горы. Даже беломраморная облицовка не казалась здесь вычурной и излишне пафосной.

Визиолла, к которой я уже успела привыкнуть, застыла, едва мы перешагнули порог, и, забравшись в капсулу, приклеилась к стене. Так, будто она была живой. Рядом темнело ещё несколько неактивных капсул.

— Разве за нами не будут наблюдать во время завтрака? — спросила я с издёвкой.

— Здесь другие визиоллы, душечка, — недружелюбно оборвала Хельга. — Более мощные.

И махнула рукой в сторону длинного стола, ломящегося от яств, за которым завтракали претендентки. Вокруг, как рабочие пчёлки, сновали четыре хрупкие женщины в двор-

цовой униформе, чепцах и белых передниках.

Я издалека оглядела соратниц по несчастью. Приблизиться сразу отчего-то побоялась. Все девушки — даже те, что напоминали чертами лица фарфоровых куколок — вышли на завтрак явно не в лучшем виде. Решив, что это часть плана, я пересчитала головы.

— Я — шестнадцатая? — спросила удивлённо. — Но ведь нас должно быть двадцать!

— Не беспокойся о том, что не входит в зону твоей компетенции, — оборвала Хельга. — Гонцы доложили, что в ближайшее время ещё четыре претендентки будут на месте. Испытания не начнутся без них.

Я кивнула, прикинувшись, что на меня неожиданно снизошла мудрость, и даже заслужила сухую улыбку Хельги. И, чуть подобрав неудобный подол, прошлёпала к столу. Поклонившись незнакомкам, как требовали того правила этикета, я опустила на один из свободных стульев с резными ручками. Мы все сейчас в одинаковом положении. Не время демонстрировать свой нор, как бы отвратительно всё ни складывалось.

— Что вам положить, ибреса? — надо мной тут же склонилась кухонная работница в длинном синем платье и кружевном белоснежном переднике. — Яйца всмятку подворцовому, сладкий пудинг из овечьего творога, яблочный штрудель или лососевые рулеты со свежими овощами?

— Пф-ф, — фыркнула я. — К чему такие условности? У

меня есть руки, не стоит за меня беспокоиться. Но, — добавила, увидев лёгкое недоумение в глазах женщины, — благодарю за заботу.

Кивнув и слабо улыбнувшись, женщина отошла. А я, оглядев соратниц по несчастью, с удивлением заметила, что многие из них с удовольствием эксплуатируют дворцовых служащих и даже делают им замечания.

— Вы не могли бы работать аккуратнее?! — возмутилась бледноликая брюнетка с острыми скулами, что сидела напротив меня. Вытянув длинный палец, она указала на скатерть. — Где только обучали вас? Даже отвар, не расплескав, налить не можете!

Женщина за её спиной только плечом пожала. Взмахнула ладонью, и капельки со скатерти крошечными шариками взвились в воздух. Щёлкнула пальцами — и они, зашипев, исчезли. В воздухе остались лишь тонкие нити пара.

— Твой папочка, наверное, чинуша? — не выдержала я и, нахмурившись, уставилась на бледноликую.

— Некоторые женщины не созданы для того, чтобы работать, — тут же отреагировала она, даже не глядя в мою сторону. — Но тебе этого, скорее всего, не понять. Одному почивать на перинах, другому — есть землю. Кому-то при рождении повезло, кому-то — нет.

Всё ясно. Обычная глупая курица с замашками королевы, которая и жизни-то не видела. Не удивлюсь, если она с удовольствием подчинится мужчине с толстым кошельком и,

едва это произойдёт, тут же отправит к низшим весь свой гонор. В другой ситуации я непременно поставила бы её на место, да и сейчас язык чесался, но конфликтов хотелось меньше всего.

Вздыхнув, я положила на тарелку кусочек лосося рулета. Выглядел он так аппетитно и славно, что я моментально забыла и про бессонную ночь, и про тяжесть в животе. На вкус, признаться, тоже оказался недурен.

Пережёвывая рыбу, я с пристрастием разглядывала девушек. И где, интересно, моя громкая соседка по комнате прячется? Вот я ей за бессонную ночь воздам после завтрака! Так... это точно не милая толстушка, что расположилась по правую руку от меня, едва помещается на стуле, и с наслаждением уплетает уже третий кусок пудинга. И не бледноликая хамка напротив, что мнит себя аристократкой: не светское это дело храпеть да голыми пятками сверкать! Это точно не злючка Шанти, что сегодня уже не выглядит столь безупречно и ярко. Не златовласка с пронзительно-зелёными глазами и острыми ушками, что сидит во главе стола и чистит яйцо: у неё стигма горит на предплечье. И не эта печальная русая девушка, похожая на посланницу Филлагории, рядом с нею: у неё дыхалки не хватит издавать такие звуки!

Я перегнулась через край стола и почти искупала волосы в чашке. Насчитала на противоположном конце четырёх девушек, подходящих по габаритам. Н-да, здесь без расспроса не разберёшься. Кажется, стоит оставить месть до вечера.

— Мне страшно, — поделился кто-то с дальнего края стола, выбив из моей головы все мысли. — А вам?

— Моя мама была на прошлом отборе, — неожиданно взяла слово та самая маленькая девушка, похожая на посланницу Филлагории. Её голосок, надо отметить, тоже был божественным. — Выбыла на третьем испытании.

— Сначала всегда отсеивается второй сорт, — высокомерно заявила бледноликая и почти спалила бедную девчущку едким косым взглядом.

— Она и не хотела победить, — девушка, казалось, совершенно не обиделась. Лишь потянулась к большому блюду и переложила на свою тарелку подрумяненный ломоть штруделя. — К тому моменту она уже встречалась с моим отцом, и король Рихар был ей как кость в горле. Её стигма очень сильно болела.

— Думаешь, что боль — из-за нежелания участвовать в отборе? — изумилась я, и шея тут же заныла, словно подтверждая слова незнакомки.

— Это общеизвестный факт, — отрезала девушка со знанием дела. — Кстати, меня зовут Альвина Иванез. Можно просто Альви. Я приехала из Томокры.

— Томокра, — процедила бледноликая с презрением. — Ну, всё ясно!

— Эландрис Инуза, — представилась остроухая златовласка. — Из эльфийской резервации.

— Но на отборах никогда не было эльфов, — возразил

кто-то издалека.

— В этот раз Филлагория достала и нас, — Эландрис лущезарно улыбнулась. — Её не смутило даже то, что мы блюдём чистоту крови.

— Третий сорт тоже нужен, — съязвила бледноликая.

— Нужен, конечно, для чего-то, — я едва не запустила в неё тарелкой. — Иначе бы тебя тут не было.

— Осторожнее со словами, — бледноликая глянула на меня сквозь полуопущенные ресницы. — Тем, кто мне хамит, обычно бывает очень плохо.

— А тем, кому хамишь ты? — возмутилась я.

— Хватит, милые ибресы, — встряла толстушка, поправляя густые каштановые локоны. — Мы должны поддерживать друг друга.

— Ибреса?! — возмутилась бледноликая. — Я думала, хоть ты нормальная! Гранна я!

— Меня зовут Бруна, — продолжала толстушка, игнорируя нападки. — Бруна Чоп. Я из семейства жрицы Богини Филлагории, и мы свято чтим её выбор.

— Филлагория слепая, должно быть, — снова высказалась бледноликая, и Бруна опять её проигнорировала.

— Лира Крэтчен, — представилась я. — И я не знаю, что тут делаю.

— Гранна Роттильда Колон, — подала голос тощая девушка, сидящая по другую сторону от Бруны. Выглядела она намного старше остальных: вокруг её больших и неодинако-

вых по размеру зелёных глаз уже рассыпались морщинки, а в рыжеватых густых волосах, сплетённых в небрежную косу, проглядывала седина. — Профессор Аэрийской Академии магии и естественных наук, ведущий специалист факультета алхимии человеческого тела, почётный член Аэрийского сообщества алхимиков.

Всем было известно, что Филлагория никогда не целовала женщин старше двадцати пяти лет. Мне захотелось спросить, есть ли на отборе возрастной ценз, но я благоразумно сдержалась. Это за меня сделала Шанти, причём, весьма деликатно:

— Вы так быстро дослужились до профессора, гранна Колон? Это просто восхитительно!

— Я поступила в Академию в четырнадцать, а в восемнадцать уже её закончила, — с гордостью отреагировала Ротильда. — К двадцати годам имела профессорскую степень. Сейчас мне двадцать четыре, и я вношу в эту науку такие поправки, которых до меня не делали даже самые известные профессора. Кстати, дворцовое меню следует серьёзно откорректировать!

Бледноликая демонстративно зевнула в ладонь. Да и меня покорило высокомерие Ротильды. Не удивлюсь, если это она храпела в моей спальне сегодня ночью! Что ж, был у неё и несомненный плюс: она, по крайней мере, не кидалась бешеной собакой на других участниц отбора.

— Я смотрю, вы нашли общий язык, девушки, — прока-

тился за нашими спинами голос Хельги. — После завтрака прошу собраться в Западной зале. Мы настроили ваши ви-зиоллы так, что они сами доведут вас до места.

— Первое испытание? — поинтересовалась Альви гром-ко.

Никто ей не ответил.

Глава 9

Визиоллы вились весёлым роем под потолком дворцовых коридоров. Сталкивались, рассыпая мириады искр и вспыхивая цветными огнями, но неуклонно летели по заданному маршруту. Нити искрящейся пыли струились за ними, рисуя в воздухе пёстрые завитки и волны. Мы шли следом шумной толпой, приводя в священный ужас горничных и стражей.

— Скоро они пожалеют, что решили проводить отбор во дворце, — высказалась я, когда очередная горничная схватилась за голову, провожая нас взглядом.

— Ага, — кивнула бледноликая, раздражённо перебирая ножками. Она словно специально устроилась рядышком и ловила каждое слово, не оставляя его без ехидного ответа. — Не каждый день на культурное общественное мероприятие попадают неотёсанные мужланки.

— Слушай, — не выдержала я, — ты уже и так пересказала нам всю свою поднаготную в красках. Нельзя так себя не любить!

— Мужланки, которые не умеют шутить и не понимают намёков, — отозвалась бледноликая и едко хихикнула.

— Лусьена, — послышался ласковый голос Бруны. — Ты же из уважаемого семейства, а подаёшь себя так, будто попала сюда по случайности.

— Нас творит окружение, — фыркнула в ответ бледноликая.

Искрящиеся хвостики визиолл свились в тугой жгут, и они огоньками пролетели под массивной аркой. Мы попали в каменный коридор, по старинке освещённый факелами. Окна здесь не были остеклены; вместо этого их заслоняли искусные кованые решётки.

— Какая прелесть, — монотонно выдавил кто-то из хвоста процессии. — В таких местах особенно остро осознаёшь, что ничто не вечно.

— Жуть, — выдохнул другой голос прямо над плечом. — Совсем как камера пыток!

— Ну, может тут и пытали кого-то, — снова отозвался первый голос. Я даже обернулась из любопытства. Говорила невысокая девушка с круглым личиком, пронзительным взглядом чёрных глаз и пепельными волосами, сплетёнными в длинные косы. — Когда-то... давно...

Она испустила робкий смешок, но никто не захотел поддерживать веселье.

Визиоллы, сталкиваясь, проскользнули под второй аркой, и нашему взору открылась мрачная зала. Стены здесь были выстроены из того же грубого камня, что мы видели в коридоре, а в двенадцати глубоких нишах по периметру разбрасывали пламя огромные факелы. Потолок над нашими головами сходилась куполом, а в широких его просветах переливались всеми цветами радуги витражи.

— Вот все и на месте, — над нами мягкой волной проплыл женский голос. — И сейчас, в этот торжественный миг, Филлагория одарит каждую из вас своим благословением!

— Но четыре претендентки ведь ещё не подъехали, — строго прокомментировала Роттильда.

— Да, — согласилась я. — Мне кажется, это несправедливо.

В ту же секунду массивная дверь напротив распахнула резные створки. В проёме показались Хельга, Андара и ещё одна, доселе незнакомая мне, помощница — немолодая бритоголовая женщина в пурпурном платье с аметистовым кувшином, висящем на поясе. Следом лениво шагали ещё четыре претендентки: вымотанные и сонные, в таких же скучных и одинаковых белых платьях с золотой оторочкой.

— Посмотри, — Бруна легонько тронула меня за плечо и указала под купол.

Я вскинула голову. Точно над центром зала парила, роняя огненные искры, пурпурная визиолла размером с хороший арбуз. Гигантский зрачок сжимался и расширялся, с пристрастием оглядывая нас, и я с ужасом осознала: началось! Богатая прослойка Аэрии сейчас лицезреет нас на своих экранах. Но и наши визиоллы никуда не делись, да и по капсулам не попрятались: каждая узнала свою хозяйку.

Лысая женщина вышла на середину залы. Хлопнула в ладоши, и кончики её пальцев загорелись алым огнём. Не сводя с нас безжалостного взгляда, от которого сразу сделалось

холодно, перевернула кувшин. На пол просыпался серебрящийся песок.

— Эссенция кристалла чистого разума, — проговорила она низким голосом, явно стараясь произвести впечатление, и подняла руки. Кровавые огоньки горели на кончиках её пальцев. Стало жутковато. — Лишь Филлагории известны ваши истинные желания, почтенные претендентки. Но для большинства из вас они так и остаются загадкой. Между тем, нам не хотелось бы удерживать здесь тех, кто не желал бы стать избранницей Его Величества принца Рэнимора.

Едва эти слова сорвались с её губ, я с облегчением выдохнула. Кажется, нам предстоит проверка на вшивость! Филлагория любит меня, раз даёт шанс отсеяться в первый же день отбора. Для отца это, конечно, будет позорище на всю Аэрию. Но зато как обрадуются мои друзья, когда узнают, что я всё ещё верна «Воронам» сердцем!..

Стоп. Где гарантия, что меня не посадят на нары, едва я вернусь? Мысль об изоляторе и мерзкой разваренной картошке почти выбила почву у меня из-под ног. Неожиданно захотелось выдержать испытание. Не хочу больше за решётку, даже за правое дело!

— Я буду вызывать вас по одной, — продекламировала ледяным голосом бритоголовая. — Ваша задача — снять туфли, подойти к нам и встать ко мне спиной, в этот круг. Вот и всё, что требуется.

Она вытянула палец и указала на пол. В тот же миг сгуст-

ки алой энергии поплыли по камню, выжигая в центре зала алую окружность Песчинки кристаллов серебрились внутри неё, как мелкие бриллианты.

— Ибреса Бронда Зиглан, — прозвучало первое имя.

Высокая и стройная девушка с распущенными русыми волосами до талии робко вышла из толпы. Нервно сложив перед собой руки, она замерла у алой черты.

— Смелее, Бронда, — Андара подбодрила девушку тёплой улыбкой.

Девушка робко растянула губы в ответ и шагнула в круг. В тот же миг бритоголовая взмахнула ладонью над её головой, просыпая ей в волосы крошку кристалла. Из самой вершины купола вылетел мощный световой поток и накрыл девушку. От неожиданности или испуга Бронда зажмурилась и засломила руками лицо.

— Богиня Филлагория редко ошибается, — прокомментировала Хельга. — Ты — желанная гостья во дворце, Бронда.

Девушка улыбнулась во весь рот и отошла к дальней стене. Теперь она уже не походила на застенчивую скромницу. А я поглубже вдохнула воздух, пахнувший зельями и огнём.

— Ибреса Оливия Вандергейт!

Толпа расступилась, пропуская в центр зала ту самую девушку с пепельными косами, что ещё пять минут назад бодро шутила о смерти и пытках. Она шла к кругу испытания холодно и спокойно, даже глаз не подняла. И на неё так же

снизошёл световой поток. Вот только бурной радости на её лице я не заметила. Всё так же бесстрастно сжимая губы, Оливия отошла к стене и привалилась к ней спиной.

— Гранна Роттильда Колон!

Роттильда вышла в центр зала, храня спокойствие и даже не задирая нос. Может-таки следовать субординации, когда от этого зависит её благополучие. Световой поток озарил и её, и я увидела, что улыбается она очень эффектно. Как актрисы, что играют в экранных постановках.

— Ибреса Флавия Данте!

В центр зала, прихрамывая на одну ногу, вышла высокая девушка со светлыми кудряшками. На её икре горела алым огнём стигма. Кожа вокруг воспалилась и багровела, будто от удара. Кажется, Флавия — одна из новоприбывших... То же, значит, не хотела на отбор! Интересно, просечёт ли это Филлагория, или всё происходящее — лишь дурацкий фокус.

Флавия встала в круг. Лысая взмахнула рукой, и эссенция чистого разума засеребрилась в волосах девушки...

Свет пролился и на Флавию, но блекло и жалко. Едва лучи коснулись кожи девушки, она закричала, словно от дикой боли, дёрнулась и недвижимо, словно манекен, упала в центр круга.

— Умерла?! — взвизгнул кто-то за моей спиной.

— Не пугайтесь, — Хельга склонилась над Флавией и протянула ей руки. Та тут же ухватилась за них, как за спаса-

тельную соломинку. — Всего лишь кратковременная потеря сознания. Именно отбирая на мгновение разум, Филлагория в этом испытании метит тех, кто желает и должен пойти иным путём. Так ли это, Флавия?

— У меня есть жених, — проговорила Флавия, поднимаясь с пола. — Принц... импозантен. Только он неинтересен мне, увы. Но это было больно, коварные низшие! Слишком больно...

Вот как! Сердце встревоженно забилося. Значит, нужно готовиться к тому, что будет неприятно. И даже очень... Я даже, возможно, буду вопить на всю Аэрию, как резанный поросёнок.

Флавия вышла из круга, совершенно не хромая. Стигма на её коже погасла и бесследно испарилась.

— Почему же твоя мать прошла это испытание? — зашептались за моей спиной.

— Должно быть, это какое-то новшество, — услышала я божественный голосок, который тяжело было не узнать. — Она не рассказывала мне об этом.

Ещё четверо девушек, которых вызвали следом, прошли испытание с успехом. Когда в круг, бормоча молитвы, вышла Бруна, моё сердце опасно ёкнуло, но и ей Филлагория улыбнулась. А вот стриженной скромнице, которую вызвали следом за Бруной, испытание не далось: она, как и Флавия, взвизгнула и потеряла сознание. А, выходя из круга, робко призналась, что ей нравятся девушки, а не парни.

Ноги устали держать меня. Запах гари и пепла приелся и казался омерзительным. Начинало тошнить. Во рту скапливалась мерзкая солоноватая слюна, а к горлу подкатывала кислота. Я даже начала просить Филлагорию побыстрее завершить весь этот фарс, но вспомнив, что обещала не читать ей молитвы, быстро пресекла слабость.

Поэтому вздох облегчения сорвался с губ, когда голос бритоголовой возвестил на весь зал:

— Ибреса Лира Крэтчен!

Глава 10

— Ибреса Лира Крэтчен! — настойчиво повторил голос, и лёгкое оцепенение спало, словно шифоновая вуаль.

Я задрожала, как пуганный заяц, и закусила губу. Во рту заиграл отвратительный металлический привкус.

— Не отличаешься ты отвагой, — подначила Лусьена шёпотом.

— Посмотрю я на тебя минут через пять, — буркнула я в ответ и, вытащив ноги из сабо, медленно двинулась к центру зала.

Лица помощниц приближались, дробясь в сером дыму и пурпурных отблесках. Каждый мой шаг венчал удар сердца. Казалось, что все вокруг слышат, как оно колотится, пытаюсь выскочить из плена рёбер. Даже мысль о том, что спустя минуту всё закончится, не придавала ни сил, ни спокойствия. Наблюдать за участницами со стороны было легче. Намного легче...

Я шла по холодному камню и думала о Тан-Комино. О жизни, что осталась позади, и не будет прежней, даже если я вырвусь отсюда. Об узких улочках, пёстрых от цветов, о тротуарах вымощенных гладким, горячим от солнца камнем. О плесени на стенах домов и о деревьях, что вскидывают кроны под самые облака. О цветущем кровавом шиповнике в го-

родском парке... Об Олафе с его поцелуями и об отце. Прости, папа, но сейчас больно будет не только мне.

Ещё пара шагов — и алеющая окружность оказалась под ногами. Набр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.